

Н. А. КУПИНА

*(Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Рубинштейн Л. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭССЕИСТИКИ ЛЬВА РУБИНШТЕЙНА³¹

Аннотация. В статье на основе понимания креатемы как единицы поэтического языка выявляется креативная составляющая эссеистики Льва Рубинштейна. В составе логико-синтаксического целого и с опорой на контекст реального времени выделяются типы креатем, характеризуются их функции, устанавливаются способы репрезентации авторской стратегии словоцентризма.

Ключевые слова: креатема, креативная речевая деятельность, словоцентризм, ирония.

В отечественной филологической науке сформировался функциональный подход к процессу порождения речи, позволяющий разграничить практический язык и язык поэтический [Якубинский 1986: 193], предложить широкое определение поэтического языка, для которого характерна «установка на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова» [Григорьев 1979: 77–78]. И для порождения, и для восприятия речи значимой является оппозиция автоматизма (стереотипности) и креативности. Креативная речевая деятельность предполагает эстетический мотивированный отбор, сочетание языковых средств, их выдвижение, преобразование, а также изобретение вербальных средств, отмеченных новизной плана выражения и/или плана содержания. Эстетическая функция отдельного элемента, выска-

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

звания, текста, системы текстов может сочетаться с утилитарно-практической, информационной, магической, коммуникативно-прагматической и др. [См.: Гридина 2016: 148, Ремчукова 2016: 159 и др.]

Единицей поэтического языка в отмеченном выше понимании является креатема, выступающая как результат лежащего в основе креативной речевой деятельности интенционально заданного использования языка как системы возможностей. Анализ ряда предложенных В. П. Григорьевым [1979] соотносимых терминов «экспрессема», «эврistema», «креатема» и используемого Т. А. Гридиной термина «игрема» [Фатеева 2016: 16–17] позволяет охарактеризовать понятие «креатема» как родовое в сложившемся терминологическом ряду. Креативная деятельность носителя языка в целом характеризуется наличием творческого начала. Лингвисты исследуют креатему как самоценную единицу изолированно; в составе указательного контекста; в составе целого текста и системы текстов.

Объект анализа – эссеистика Льва Рубинштейна, одного из основоположников московского концептуализма [см.: Московский концептуализм, Северская 2007: 13–20 и др.]. Тексты, собранные в книгу [Рубинштейн 2013], характеризуются ярко выраженной авторской индивидуальностью, образностью, афористичностью. Борис Акунин в послесловии к сборнику приводит «"топ-тен" максим» Рубинштейна, который «до пятидесяти лет... писал стихи в виде стихов, а после пятидесяти тоже пишет стихи, но уже в виде эссеистики» [Там же: 565–568; 571]. Приведённые замечания акцентируют художественную константу творчества Рубинштейна.

В анализируемых текстах в наиболее общем виде можно выделить креатемы, являющиеся результатом операций, связанных с планом выражения языковых знаков, во-первых, и результатом операций, связанных с планом содержания языковых знаков, во-вторых. Эти две разновидности креатем составляют непосредственный предмет исследования. Функциональная нагрузка креатемы выявляется в составе логико-синтаксического целого.

В контекст реального времени (советского и постсоветского) включены авторские новообразования, выступающие как сигналы эпохи и – одновременно – диагностические средства состоя-

ния общественного сознания. В ряду этих образований – все основные части речи: *северность, обесколбаситься, запретократический*. Особо выделяются сложные слова, например: *руко-суйство, неохолоп, партийно-чекистский*. В контексте возникает смысловое обобщение, преодолевающее предметностную отнесённость вербального знака. Например: *В позднесоветские годы ... страна вся обесколбасила* (с. 461). Ср. бытующие в советское время показательные сочетания: *очереди за колбасой, колбасные электрички* и др. С помощью окказионализма создаётся узнаваемая ситуация глобального дефицита продуктов питания и шире – предметов первой необходимости.

Включённые в контекст эпохи новообразования характеризуются авторской оценочностью и, как правило, содержат скрытую иронию. Во всех случаях проявляется независимая позиция Л. Рубинштейна, который неизменно отстаивает право на сопротивление официальной точке зрения: *В 1970-е на фоне партийно-гребешной давилочки возникали и реализовывались самые головокружительные и художественные идеи* (с. 309). В текстах эссе неизменно устанавливается связь времён. Сигнал этой связи – ключевое слово, не утратившее своей актуальности. В высказывании, которое приводится ниже, это лексема *пропагандист(ы)*. Образную нагрузку и эстетическую оценку несет эвристика: *Как это ни странно, но поражающее многих публичное, вполне отрефлексированное и сладострастное «постмодернистско-достоевское» бесстыдство нынешних пропагандистов генетически восходит к тем же самым девяностым, каковые в соответствии с нынешней общественной модой третируются как «лихие»* (с. 319).

Связь времён ощущается даже в случае отсутствия прямых темпоральных указателей, а ироническая тональность пронизывает метафорический контекст, характеризующийся афористичностью: *<...> с помощью лубянско-мичуринско-лысенковских селекционеров вывели превосходную породу единогласно голосующих верноподданных* (с. 95). Креативная технология создания афористичности в данном случае основана на включении в границы окказионального лексического словосочетания сложного слова с сочинительной связью между тремя составляющими, моделирующими рефлексии потенциального читателя «над не-

стандартным содержанием и формой знаков, требующих декодирования игровых имплицатур» [Гридина 2012: 275].

Авторское новообразование используется также для номинации рождённого эпохой психотипа, служащего объектом иронии: *Неохолоп с равной непринуждённостью готов и унижить, и быть униженным. <...> Он готов рвать на себе рубаху, защищая права своего барина казнить и миловать, но никогда за своего барина не пойдет не только на смерть, но даже на мордобой. <...> Он – абсолютное порождение советского инкубатора* (с. 237–238). Метафорическое обобщение усиливает антитезу *неохолоп – барин*, мотивирует генезис авторской иронии. Во всех случаях эвристемы, характеризующиеся нестандартным планом выражения, в составе логико-синтаксического целого соединяются с креатемами, отмеченными нестандартным планом содержания. В то же время каждое из новообразований и в абстракции от лексического окружения обладает смысловой достаточностью.

В текстах эссе используются контактно и дистантно расположенные однокоренные слова (*врать, враньё*) и квазипаронимы (*тело – дело; обеды – обиды*). Как правило, формальная игровая техника (например: *Когда-то очерки очеркистов начинались так: «Ничто не предвещало беды»* – с. 47) сопровождается смысловыми приращениями, экспрессивными добавками. Паронимическая аттракция (в широком понимании термина) поддерживает авторское идеологическое сопротивление. Линейное развёртывание транслируемой мысли обнаруживает противопоставление идеологем и контридеологем, вскрывает недолговечность идеологической лжи: *Советский агитпроп... был построен на тотальном вранье. Но по тогдашним правилам игры предполагалось, что так называемый советский народ принимает «правду» за правду. <...> **Z** Более того, были баснословные теперь уже времена, когда и сами верующие верили в то, что говорили. Когда же в это враньё перестали верить и те, кто слушал, и те, кто врал, незыблемое и единственно верное учение практически в одночасье накрылось тем, чем оно накрылось* (с. 108). Словосочетание *советский агитпроп* воспринимается как контридеологема, мотивированная соотносительными понятиями *агитпроп – враньё / врать* и плеоназмом *верующие вери-*

ли. Столкновение последнего с антонимическим сочетанием *перестали верить* обеспечивает ёмкое изображение процесса деидеологизации общественного сознания. Иронически переосмысливается идеологическая формула *единственно верное учение*. Энантioseмия (*верное* в значениях «соответствующее абсолютной истине» и «лживое, обманное, манипулятивное») обуславливает смысловую переключку рядов номинаций *верующие, верить, верное* и *вранье, врать*. Выдвижение на первый план читательского восприятия однокоренных слов стимулирует трансформацию «наивной аксиологии» [Ведрева 2015] в концептуальную.

Публицистичность стиля ярко проявляется в трактовке текущей социокультурной ситуации, например, в авторском ироническом переосмыслении политической метафоры *вертикаль власти*. Грамматический переход относительного прилагательного в качественное усиливает экспрессию: *Вы заметили, что чем вертикальнее вертикаль, тем с большим рвением проявляет она заботу о нашем с вами здоровье* (с. 386)? Прямая обращенность к адресату активизирует формирование коллективной точки зрения на положение дел, конкретизирует универсальную оппозицию «народ – власть».

Игра морфемной синтагматикой с опорой на видовую отнесенность глагола и объектную сочетаемость сопровождает осмысление современного отношения к искусству, калькирование советских образцов: *Теперь, чуть отъевишись, снова все стали разбираться в искусстве. Особенно в современном. А разобравшись в нём, невозможно справиться с искушением «разобраться» с ним. А также с художником, галеристом, режиссером, литератором* (с. 309). В границах парцеллированной конструкции конкретизируется непримиримое отношение эссеиста к тенденциозным непрофессиональным нападкам не только на самобытные произведения искусства, но и на авторов этих произведений. Глагол *разобраться* в сочетании с существительными лица актуализирует сему принуждения (*разобраться* разг. «навести строгий порядок, призвать к ответственности») [ТСРЯ 2008: 800]. Семантическую самостоятельность приобретает приставка *раз-*, объединяющая смыслы «разделение», «разобщение», «разрушение». Происходит оживление синонимической

параллели *разобраться – проработать*, т. е. «подвергнуть суровой и недоброжелательной критике» [Мокиенко 1988: 489], и – ассоциативно – возрождение культурно-идеологического сценария «кампанейщины» [Там же: 238].

Таким образом, креативный результат преднамеренного использования однокоренных слов, а также актуализации отдельных морфем следует рассматривать в границах логико-синтаксического целого, включающего креатемы разных видов.

Эффект преобразования в эссеистике Л. Рубинштейна можно проследить на примере внедрения в текст вербальных прецедентных знаков, смысл которых намеренно спроецирован на советское прошлое или актуальное настоящее.

Формальное и/или смысловое преобразование исходного текста, оправданное осмыслением прожитого, стимулирует диалогизм – общую примету анализируемых произведений. Так, возвращаясь к событийному прошедшему (дню смерти Сталина), Рубинштейн ёмко характеризует сталинскую эпоху, обращаясь к философскому суждению великого поэта: *А до этого (до смерти Сталина) было счастье. Всеобщее напряженное, взвинченное счастье при полном отсутствии покоя и воли. Великая формула Пушкина работала тогда в обратном порядке* (с. 92–93). С помощью трансформации прецедентного текста диагностируются «травмирующие черты общественного сознания» [Тощенко 2005: 19], формирующие воображаемую реальность.

Сохранение тональности первичного прецедентного высказывания позволяет автору выразить чувство неподдельного сожаления, связанного с утратой человеческого капитала: *Много я помню таких чудесных людей. Куда, куда удалились они? Куда пропал этот тонкий, но столь яркий слой сограждан, самим фактом своего существования... наглядно демонстрирующий какие-то совсем новые, невиданные ранее возможности не столько повседневного, сколько художественного поведения* (с. 162)?

Одно из попутных иронических замечаний структурируется на основе частичного использования хрестоматийных строк из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Базовое словосочетание сохраняет грамматическую оформленность. Автор вторичного высказывания, используя ролевую маску «гла-

зеющего ротозея», искусственно сближая причастные образования *пляшущий – плачущий*, трансформирует сакральное в профанное: *Пляшущего большевика представить себе еще труднее, чем плачущего* (с. 407).

Прецедентное заглавие произведения советской литературы, имеющего институционально заданную дидактическую составляющую, используется для оправдания непоправимого поведения советских подростков, символизирующего бунт против диктата: *Мы плевались лихо и азартно, бунтуя против нудных и репрессивных норм «приличного» поведения, против учителей и родителей, против Правил юных пионеров и таблицы умножения, против Васька Трубачева и его товарищей* (с. 147). Развитие биографического времени, а также ставшее возможным сопоставление культуры российских и европейских городов изменяют точку зрения автора. «Я включённое» замещается личностным: *Тотальная заплёванность наших улиц долгое время не замечалась мною. <...> Вернувшись в Москву (из Лондона), я стал обращать внимание на обилие плевков и плевочков, покрывавших родной асфальт. И ни принимать их как должное, ни считать «эти плевочки жемчужинами» уже никак не получалось* (с. 149). Возникает наведенная однокоренными единицами (*плевать, плевки, плевочки, заплёванный*) ассоциация с текстом раннего Маяковского. Аналогия, основанная на двуденотативной отнесенности знака, не оставляет сомнения в искренности категорического оценочного суждения.

Прецедентное высказывание в трансформированном виде погружается в обыденную ситуацию. Но и в этом случае наблюдаем высокий уровень эмоционально-эстетического обобщения. Например: *Ты всякий раз задаешься вопросом, какие именно звуки будут сопровождать твое Великое стояние в Пробке. Станет ли эфир струить зефир, врачующий твое раздраженное нетерпение, или, что скорее всего, эфир будет струить безысходный «шансон», лишь умножающий во столько-то раз твои дорожные муки* (с. 133). Высокое в авторском восприятии вытесняется экспансией низкого. Вульгаризация культуры управляет повседневное существование.

Эстетическую ценность приобретают креативные операции с планом содержания лексемы. Об этом свидетельствует доста-

точность минимального контекстного окружения для понимания метафорического смысла. Отметим отдельные индивидуальные метафоры: *гулаговский дух, выхлопные газы истории, революционный пуризм, чекистский крюк*. Жанрообразующую функцию выполняет метафора болезни. Например: *историко-культурная амнезия; хвори нашей ухабистой истории; социальный аутизм*.

Средством формирования афористического суждения служит развёрнутая метафора. Выделяются суждения, не связанные или же связанные с отдельным отрезком времени. Ср.: *Государство страдает дальновзоркостью и различает своих граждан только на очень большом удалении* (с. 460); *Счастье (в сталинское время) было такого накала, что его острые осколки успели окорять – к счастью, неглубоко – и мою нежную кожу* (с. 93).

Креативные речевые технологии реализуются в зоне ментальной референции: *<...> границы нашей свободы всё время трутся, иногда высекая искры, о границы свободы чужой. Тут приходится опираться <...> и на опыт, разумеется. А опыт свободы едва ли представим без самой свободы* (с. 39–40); *Литература во все времена служила единственным клеем, с помощью которого осуществлялась зыбкая связь времён* (с. 361).

Словоцентризм в осмыслении действительности – характерологическая особенность авторского Я, ибо «только слово дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленив свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить её» [Скляревская 2004: 71]. *Язык, слово – ключевые лексемы исследуемых текстов. Приведём суждения, позволяющие составить представление о мировоззрении Рубинштейна: Пространство языка – единственное пространство, реальность которого не подлежит сомнению* (с. 228); *...люди, обладающие языковым чутьем и вкусом, по возможности избегают слов, так или иначе присвоенных официальной риторикой, а потому смертельно зараженных* (с. 299).

Лексема *язык*, включённая в узуальные сочетания, выдвигается на первый план читательского восприятия и может быть интерпретирована как креатема, т. к. в каждом отдельном случае употребления акцентируется смысловые доли, позволяющие

приблизиться к пониманию сигнификативного значения: *Язык власти – тема отдельная. В советские годы власть говорила на агитпроповском воляпюке, а язык протеста и инакомыслия опирался на грамматику и лексику правозащитного движения. Власть теперь «ботает на юридической и экономической фене», да так бегло, что и разобрать ничего невозможно. Включая на полную катушку кафкианскую крючкотворную машину, <...> власть пытается усыпить нас, парализовать волю к сопротивлению. <...> Кафка в очередной раз становится бльёю* (с. 204–205). Образная конкретизация углубляет, но не изменяет общего значения лексемы *язык* – «система словарного выражения мысли, средство общения». Реализация узуального словосочетания в ряде случаев сопровождается логическим доводом автора: *Язык зла <...> легко побеждает все прочие языки, ибо он неуязвим для логики* (с. 89).

Будучи филологом, Рубинштейн развивает мысль о социальной дифференциации общего языка: *Это только кажется, что все мы говорим на одном языке – это иллюзия* (с. 202). Рассуждения автора имеют определённую направленность: от слова, закреплённого в системе языка, к его предметной отнесённости и далее – к понятийному содержанию. Вербальный знак выступает как средство лингвистической диагностики: *Китч – это полый знак, означающее без означаемого. Это высказывание, значение которого давно выветрено* (с. 456). Свою задачу эссеист видит в выявлении значения, погружённого в действительность. Показательны заголовки отдельных текстов и циклов: *Слово на слово; Ни слова о политике; Словарный запас; Семантический прорыв; Семантический сдвиг*.

Распространённой является модель «слово + конкретная номинация + авторский комментарий». Например: *Слово «Россия», и так в силу нечеловеческой географии и плохо переваренной истории своего денотата не имеющее сколь-нибудь консенсусного значения, в наши дни, когда Россию тащат вперед и назад одновременно, и вовсе теряет семантические очертания* (с. 191). Ср.: *В наши дни слово «руссофобия» применяется в основном по отношению к тем, кто испытывает в той или иной степени неприязнь или недоверие к тем или иным властным учреждениям, например, тайной полиции, каковая – в представ-*

лении самих деятелей этого славного учреждения – есть соль, душа и мозг великого многострадального русского народа (с. 239). Общеязыковой вербальный знак рассматривается в аспекте функционирования в речевой среде именно в том значении, которое складывается в данное время. Фиксируется обыденное, а также социально маркированное употребление лексем: *В неофициальном обиходе абсолютно нейтральное и даже позитивное слово «идейность», призванное обозначать всего лишь приверженность того или иного субъекта той или иной идее, приобрело отчётливо негативные коннотации* (с. 300); *<...> апологеты нынешнего российского режима <...> среди прочих слов они особенно полюбили слово «смыслы». Именно так – во множественном числе. Смыслы они не только любят, но неустанно их «порождают» в многочисленных созданных институтах. Впрочем, смыслы не столько порождаются, сколько высекаются <...> способом трения их неутомимых языков о филейные части текущей власти* (с. 256). В приведённых примерах отсутствуют собственно авторские эвристиемы: Рубинштейн не изобретает новый план содержания лексем *идейность, смысл(ы)*, а лишь интерпретирует особенности внедрения в речевую среду сложившегося значения. Отмечая актуальность знака, он предостерегает читателя от слепого подчинения власти слова и языку власти.

Объект авторской иронии – *идеологически-языковые уклонки наподобие «суверенной демократии» или, например, «либерального фашизма»* (с. 299). Результат креативной аналитической деятельности – выявление социально-психологических последствий манипулятивного использования подсистем *оксюморонных монстров*: *Слово-паразит «суверенный» стало тем не менее резво порождающий моделью для возникновения других оксюморонных монстров. Таких, например, как «суверенная судебная система», «суверенные права человека», «суверенная свобода слова, печати и собраний»* (с. 187).

Стилистически сильный контекст семантически реализованного слова во всех случаях создается в зоне метаязыкового комментария, который выводит это слово из автоматизма восприятия, позволяет составить представление о независимой позиции автора-публициста: *Есть, например, такое слово, как «Сво-*

бода». Сегодня те, которые всё больше хлопочут по части «нравственности», слово «Свобода», как, впрочем, и все оттенки его смысла, ненавидят, презирают и всячески вышучивают. И это прекрасно! И слава Богу! Потому что это слово всё ещё принадлежит нам. Как и сама свобода (с. 302).

Завершим анализ лингвокреативной составляющей текстов эссе афоризмом Льва Рубинштейна: *Вечная формула «слово и дело» теряет равновесие. Понятно, что когда дело плохо, то слово берёт слово.*

ЛИТЕРАТУРА

Вепрева И. Т. Наивная аксиология: метаязыковая оценочная интерпретация лексической семантики // Уральский филологический вестник. – Вып. № 4 // Мат-лы Всероссийск. семинара с международн. участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей». 27 ноября 2015 г. – Екатеринбург, 2015.

Григорьев В. П. Поэтика слова. – М., 1979.

Гридина Т. А. Ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива: Коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т. А. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. – М., 2016.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

Московский концептуализм. 19.12. Олег Лекманов о Рубинштейне <http://polit.ru/article/2015/12/18/conceptualism/> (дата обращения 26.01.18).

Ремчукова Е. Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. – М., 2016.

Рубинштейн, Лев. Скорее всего. – М., 2013.

Северская О. И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. – М., 2007.

Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб., 2004.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением

сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2008.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М., 2015.

Фатеева Н. А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. – М., 2016.

Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.

©*Купина Н. А., 2018*